

**ФЕНОМЕН ПОЛИТИЧЕСКОЙ ОППОЗИЦИИ:
ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ**

В современной политологии признан бесспорным тот факт, что наличие альтернативных политических субъектов, способных оказывать значимое воздействие на процесс принятия политических решений, — важнейшая характеристика демократичности политической системы. По опыту развитых демократических стран предоставление возможности оппозиционным силам официально выражать точки зрения, отличные от позиции доминирующего субъекта, оказывает благотворное влияние на стабильность политической системы в целом. Отсутствие оппозиции чревато опасностью политической апатии населения, окостенения власти, коррупции, подъема радикальных движений. По свидетельству западногерманских политологов, 60-е гг. в Германии (период пребывания у власти «большой коалиции» ХДС/ХСС и СДПГ при ограниченной сфере влияния свободных демократов и невозможности выполнения ими функций полноценной оппозиции) ознаменовались ростом активности праворадикальных движений¹.

Исключения составляют организации, ставящие целью нагнетание обстановки в неоднородных поляризованных обществах с большой степенью внутренней конфликтности. В моноцентричных системах граждане склонны отождествлять политическую систему с политикой конкретных руководителей. В таких обществах любые нападки на тех или иных политических руководителей или господствующую элиту могут рассматриваться как нападки на саму политическую систему и затрагивают фундаментальные вопросы выживания системы. В конкурентной политической системе оппоненты правящего в данный момент политического субъекта могут обвинить последнего например в ослаблении государства или предательстве традиций нации, но существование самой политической системы не подвергается опасности, поскольку сохранение стабильности правил игры признается приоритетным по отношению к

* Гаврилов Георгий Анатольевич — аспирант Института философии и права УрО РАН.

¹ См. Opposition in Western Europe / Ed. by E. Kolinsky. London; Sydney, 1987. Цит. по: Поршаков С. Политическая оппозиция в странах Запада // ПОЛИС, 1993, № 3.

сохранению власти у конкретных правящих элит. Конкурентная политическая система защищает от недовольства ее граждан: жалобы и нападки отвлекаются от системы в целом и направляются на лиц, находящихся в данный момент у власти.

В чем состоит теоретическая сущность понятия «оппозиция»? В современной научной литературе теоретическому исследованию этого феномена не уделяется достаточно внимания. Ряд вопросов, посвященных теоретическому анализу тех или иных сторон политической оппозиции, мы можем встретить в статьях и монографиях, посвященных изучению феномена власти, партий и партийных систем, конфликтологических исследованиях, но трудов об оппозиции как целостном теоретическом конструкте немного. Возможность появления альтернативных политических мнений и организаций нашла свое отражение не в научной сфере, а скорее, в сфере публицистики. В последние годы вышел ряд книг и статей, в названиях которых встречается термин «оппозиция»¹. В этих публикациях можно найти достаточное количество материала по современным российским общефедеральным партиям, однако не везде четко обозначено содержание используемого термина. До сих пор мало и переводных работ, посвященных теоретическому осмыслению феномена оппозиции.

Сложность теоретического осмысления термина «оппозиция» усугубляется отсутствием его юридического закрепления. В базовой части Конституции РФ — главе «Основы конституционного строя» — признаются принципы идеологического, политического и партийного многообразия². Тем не менее в современной российской юридической практике термин «оппозиция» используется не более чем в десятке документов, причем среди них нет ни одного, в котором термин подвергался бы юридической расшифровке. Среди этих документов — постановления Конституционного суда РФ (в основном в части особого мнения того или иного судьи), послание Президента РФ Федеральному Собранию, Устав Союза Беларуси и России.

¹ См. напр.: *Власть и оппозиция. Российский политический процесс XX столетия.* М., 1996; *Дадвани Л.Я.* О попытках создания в России лево-правого блока оппозиционных сил. 1989-1996 гг. М., 1997; *Кургинян С.* Россия: власть и оппозиция. М., 1993.

² Конституция РФ, принята всенародным голосованием 12.12.1993. Ст. 13.

Исходя из смысла приведенных документов, можно заключить, что термин «оппозиция» преимущественно используется применительно к политическим партиям. Так, в Уставе Союза Беларуси и России содержится норма, гарантирующая «обеспечение правовых гарантий деятельности официально зарегистрированных партий и общественных объединений, в том числе оппозиционных»¹. Следуя этой логике, деятельность оппозиционных субъектов регулируется законами «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации», «О политических партиях», «Об общественных объединениях», о выборах в различные органы власти.

Все эти факты предопределили известную многозначность термина вплоть до толкований подчас противоположных по смыслу. Большинство подходов к определению термина «политическая оппозиция» строятся в двух направлениях: этимологическом и институциональном. Этимологический подход (лат. *oppositio* — противопоставление) дает нам широкий смысл термина, акцентируя деятельностный аспект оппозиции и рассматривая ее как простое противопоставление одной политики другой политике, выступление против мнения большинства либо господствующего мнения. Таким образом, речь идет об оппозиции вообще, ее политический аспект практически полностью исчезает. В рамках этого подхода оппозиция выступает как некий процесс, деятельность без привязки к конкретным политическим субъектам.

Этимологический характер подхода предопределяет и целый ряд налагаемых ограничений. Понимание, ключевой точкой которого является процесс противопоставления, не учитывает причин и целей противопоставления. Кроме того, под категорию противопоставления одной политики другой подпадают феномен лоббизма, а также группы давления, столкновение интересов локальных групп по поводу локальных проблем, не имеющих отношения к политике. Согласно этимологическому подходу оппозицией может считаться разнонаправленное влияние нескольких субъектов на власть, не имеющую собственного мнения по обсуждаемому вопросу, что вряд ли отражает суть термина.

Помимо теоретических нестыковок, критика этой схемы возможна и с позиции практики. Схема перестает нести практический смысл в случае, когда доминирующее мнение или мнение боль-

¹ Российская газета. 1997. 24 мая. № 101.

шинства не получает соответствующего представительства в структурах, принимающих важнейшие политические решения. Таким образом, государственные структуры, проводящие непопулярные реформы, могут трактоваться как оппозиция по отношению к большинству населения, несмотря на то что они полностью контролируют процесс принятия решений. В результате категория оппозиции неоправданно размывается и теряет четкость и уникальность содержания.

В рамках институционального подхода наибольшее внимание уделяется институциональным формам организации оппозиции. При этом оппозиция трактуется преимущественно как деятельность миноритарных партий в легислатуре. Методология исследования, которую предполагает этот подход, может быть весьма эффективно использована для анализа политического процесса в традиционно демократических государствах со стабильной партийной структурой и устоявшейся культурой политической борьбы. Этим же обусловлено и ограничение эффективности этой методологии: институциональный подход к пониманию сущности оппозиции неоправданно суживает поле исследования, не учитывая все разнообразие форм организации власти. Оппозицией могут являться не только партии, и оппозиционная деятельность не ограничивается только парламентской борьбой.

Анализ существующих определений оппозиции выявляет одну их общую черту. Все существующие определения оппозиции строятся по единой методологии: оппозиция определяется через власть. Это очевидный и, по всей видимости, единственный способ определения оппозиции. Оппозиция не существует вне власти, она изначально противопоставлена власти, как это совершенно справедливо отмечено в рамках рассмотренного выше этимологического подхода к определению оппозиции. При этом подразумевается, что оппозиция есть там и только там, где есть власть. Оппозиция в системе равноправных субъектов невозможна.

Вместе с тем простой констатации факта противостояния власти и оппозиции очевидно недостаточно. Как уже говорилось выше, если принимать во внимание все проявления несогласия с властями по любому поводу, спектр оппонентов власти неоправданно расширится и его анализ потеряет всякий смысл. Таким образом, необходим дополнительный критерий, по которому та или иная сила могла бы быть отнесена к разряду оппозиционных. По нашему мнению, важнейшей характеристикой оппозиции является стремление обрести власть.

Определяя оппозицию как субъекта политической жизни, претендующего на обладание властью в данной системе, снимается проблема субъекта оппозиции — одного из ограничений институционального подхода. Как показала история, оппозицией может являться не только партия. Партии в современном понимании этого слова имеют не более чем полуторазековую историю, однако вряд ли будет корректно отрицать наличие политической борьбы в более ранние периоды человеческой истории. В современный период можно найти достаточно примеров, когда основными субъектами оппозиции являются отдельные институты государственной власти, олигархические группировки, транснациональный капитал и т.д. Понятно, что партийная оппозиция является наиболее развитой и представительной формой политической борьбы, однако отказ от анализа иных форм существования оппозиционных субъектов неоправданно заузлит поле исследования.

С другой стороны, выделяя обретение власти в качестве основной цели оппозиции, мы решаем и проблему предмета оппозиционной борьбы, остающуюся неразрешенной в рамках этимологического подхода к понятию оппозиции. Из анализа исключаются частные вопросы, не имеющие отношения к распределению властных ресурсов в системе, количество «игроков» ограничивается властным субъектом системы и претендентом или претендентами на эту роль.

Снимается и проблема обладателя власти. В настоящее время власть в обществе, как правило, связывается с государством. Не отрицая роли государства как инструмента осуществления власти, нельзя не отметить тот факт, что государственные институты зачастую контролируются институтами, не имеющими к нему отношения. Так, Раймон Арон разработал концепцию партийного государства — государства, в котором власть принадлежит одной партии и в котором только эта партия может рассчитывать на легитимную политическую деятельность¹. Аналогично существуют «военные», «корпоративные» государства.

В чем практическая ценность этого подхода? Во-первых, определение оппозиции как субъекта, борющегося за власть в системе, методологически применимо для любой системы любого уровня. Термин «оппозиция» теряет связь исключительно с политической борьбой в рамках государства и может быть обоснованно использован при описании политической жизни на уровне регионов,

¹ Арон Р. Демократия и тоталитаризм. М., 1993.

муниципий или систем, вообще прямо не связанных с политикой. При этом статус оппозиции не является непреходящим, а привязан к анализируемой в данный момент системе. В зависимости от точки отсчета оппозиционные силы в рамках одной системы могут стать обладателями доминирующего ресурса в рамках другой системы.

Определяя оппозицию как претендента на обладание властью, мы концентрируемся на реально значимых силах, способных изменить *status quo* системы. При этом расширительное толкование субъекта оппозиции (не только партии) и доминирующего политического ресурса (не только государственный аппарат) позволяет более тонко анализировать процессы, происходящие в данной политической системе.

Однако, определив оппозицию через понятие власти, мы с необходимостью встаем перед вопросом о том, что есть власть и в чем заключается процесс борьбы за власть. Наиболее широкие возможности для определения и исследования оппозиции открывает «ресурсная теория» власти.

Свое максимальное развитие ресурсный подход к анализу феномена власти получил в середине XX в. и представлен теориями «обмена ресурсами» П. Блау, Д. Хиксона, К Хайнинга и др.¹ Ключевым тезисом ресурсного подхода к исследованию власти является предположение о неравномерности распределения ресурсов между участниками социального отношения. Соответственно, индивид может трансформировать излишек какого-либо ресурса во власть, уступая его в обмен на требуемое социальное поведение.

Ценность теории «обмена ресурсами» для определения и анализа оппозиции состоит в том, что эта теория максимальное внимание уделяет не исследованию процедуры или результатов осуществления власти, а дает нам четкое понимание источника власти. Теория «обмена ресурсами» дает понимание того, чего не хватает оппозиции и чего ей надо добиться, для того чтобы обрести власть. Действительно, именно обладание наиболее значимыми политическими ресурсами дает властному субъекту возможность определять поведение и оказывать влияние на процесс принятия решений иных субъектов.

¹ См.: *Blau P. Exchange and Power in Social Life. N.Y., 1964; Hickson D.J., Hining C., Schneck R., Pennings N. A Strategic Contingency Theory of Intraorganizational Power // Administrative Science Quarterly. 1971. Vol.16.*

П. Блау, автор ресурсного подхода к исследованию власти, рассматривал власть в качестве частного случая процессов обмена. В его понимании один индивид имеет власть над другим в том случае, если последний нуждается в каких-либо благах (ресурсах), которые не может получить нигде в ином месте. В политической сфере обладание властью не означает контроля над всеми существующими ресурсами системы. Развивая эту теорию и переводя ее полностью в рамки политологии, мы предлагаем ввести иерархию ресурсов и предполагаем, что для каждой системы есть один или несколько ресурсов, контроль над которыми и использование которых обеспечивает контроль над принятием политических решений в рамках всей системы.

В результате по отношению к властному субъекту политическая оппозиция обладает двумя ключевыми характеристиками: во-первых, недостаток или полное отсутствие доминирующего политического ресурса (ресурсов), во-вторых, претензия на обладание им. Таким образом, оппозиция — это отношения между двумя субъектами по поводу доминирующего политического ресурса системы. В структуре оппозиционных отношений можно выделить три составляющих: 1) властный субъект, обладатель доминирующего политического ресурса; 2) собственно субъект оппозиции — претендент на обладание доминирующим политическим ресурсом; и 3) повод, по которому у этих двух субъектов возникают отношения.

Еще одной необходимой чертой оппозиции является организованность. По мнению Д.П. Зеркина, оппозицией можно считать внутренне структурированное объединение людей, осознанно противопоставляющее себя доминирующей в данной политической системе силе¹. Действительно, сложно представить себе неорганизованную массу как борца за доминирующий политический ресурс, каким бы он ни был. И тем более невероятна ситуация, при которой неорганизованная группа смогла бы эффективно им распоряжаться. Необходимыми стадиями, характеризующими процесс конституирования полноценной оппозиции, является осознание группой лиц общности своих интересов, дискриминации этих интересов существующей властью, возможности изменить положение путем обретения власти, организационное оформление и принятие решения о политическом противостоянии власти. В этой связи

¹ См.: Зеркин Д.П. Политический конфликт и оппозиция // Социально-политический журнал. 1998. № 5.

весьма распространенный термин «народная оппозиция» является скорее образным описанием фоновой политической ситуации, существующих массовых настроений, нежели указанием истинного субъекта политического действия.

Политическая оппозиция — организованная группа субъектов, ведущая борьбу за обладание доминирующим политическим ресурсом системы. В рамках этой схемы доминирующий властный ресурс является основой для осуществления властных полномочий в системе. Что может быть этим ресурсом и каковы его формы?

М. Роджерс определяет властный ресурс как «атрибут, обстоятельство или благо, обладание которым увеличивает способность влияния его обладателя на других индивидов или группы». Он же вводит классификацию ресурсов власти как факторов, лежащих в ее основе. Среди них выделяются атрибуты власти: социальный статус, физическая привлекательность, харизма; обстоятельства, обеспечивающие власть: владение политическим учреждением, доступ к влиятельным лицам, гибкий рабочий график, членство в комитете; собственность: здоровье, земля, владение СМИ¹.

А. Этциони предлагает классифицировать ресурсы на утилитарные, основанные на отказе подвластного от сопротивления в обмен на необходимые ему ресурсы; принудительные, реализующиеся через угрозу наказания; и нормативные, суть которых состоит в манипулировании нормами и предпочтениями подвластного таким образом, чтобы они совпали с устремлениями властвующего. Цель классификации Этциони — сопоставить отдельные типы ресурсов со специфическими формами господства².

Исходя из теории Вебера, фактически лежащей в основе ресурсного подхода к исследованию власти, власть — это легитимное господство, реализующее себя двояким способом: через принуждение, вплоть до физического насилия, либо под влиянием прочих форм легитимности (финансы, харизма, традиции, идеология). Таким образом, по Веберу, эти способы и являются вариан-

¹ См.: *Rogers M.F. Instrumental and Infra-resources: The Bases of Power // Amer. J. Sociol. 1974. Vol.9. P.1422.* Цит. по: *Власть: Очерки современной политической философии Запада.* М., 1989.

² См.: *Etzioni A. A Comparative Analysis of Complex Organizations.* N.Y., 1961.

тами политического ресурса. Наиболее распространенным доминирующим политическим ресурсом является возможность распределять блага в системе. Вместе с тем не менее важным может стать репрессивный ресурс — контроль над силовыми органами, армией, правоохранительными структурами. Так, в Африке за 20 лет с 1960 по 1980 г. имели место 40 удавшихся переворотов¹. В период с 1945 по 1976 г. военные перевороты произошли в половине из 18 стран Азии. После 1945 г. только две из всех латиноамериканских стран (Мексика и Коста-Рика) сумели избежать подобного развития событий². В зависимости от конкретной системы этот ресурс может быть связан или не связан с конкретным постом в системе органов государственной власти.

Ресурсный подход имеет свои ограничения как концепция познания власти. В русле этого подхода власть рассматривается как некий «черный ящик», преобразующий ресурсы на входе во влияние на выходе. При этом внутренние процессы принятия решений властью остаются за скобками анализа. Однако сконструированное на базе ресурсного подхода определение оппозиции во многом делает это ограничение менее важным. С точки зрения оппозиции в целом не важны внутренние процедуры властного субъекта, власть рассматривается как целостный субъект. Вторая сложность использования ресурсного подхода связана с поиском доминирующего политического ресурса для каждой конкретной системы. Вряд ли возможно определение универсального ресурса, являющегося властеобразующим для любой системы. Причем дополнительные проблемы возникают при анализе системы в динамике, когда условия существования системы, а с ними и доминирующий политический ресурс могут непрерывно изменяться. Достаточно очевидно, что методологией определения основного ресурса в конкретной системе должен стать анализ процесса принятия политических решений. В наиболее простом случае выявление доминирующего политического ресурса (а с ним и властного субъекта) может быть ограничено анализом конституционных прав политических институтов. Этот способ работает, когда доминирующий политический ресурс находится в системе государственной власти и формы его контроля законодательно зафиксированы. В более

¹ См.: Егоров В.К. Государство–армия–общество: Круглый стол «Вооруженные силы — это политические силы?» // ПОЛИС. 1992. № 3.

² Голосов Г.В. Сравнительная политология. Новосибирск, 1995.

сложных случаях в анализе необходимо учитывать более обширный спектр факторов.

Сложность выявления оппозиции состоит еще и в том, что политический процесс дискретен. Смена обладателя доминирующего политического ресурса происходит не постоянно, а в конкретный момент времени, будь то выборы или государственный переворот. Таким образом, критерием, по которому можно определить, борется ли та или иная сила за доминирующий политический ресурс в каждый конкретный момент времени, должен стать комплексный анализ деятельности силы, претендующей на статус оппозиционной, между точками дискретного процесса. Показатели, используемые при подобном анализе, разнообразны и зависят от способа достижения доминирующего политического ресурса: популяризация партии, расстановка своих представителей на неизбираемые должности в среднем звене, деятельность по изменению характера доминирующего политического ресурса.

Победа на выборах, переворот являются лишь завершающим этапом менее явной оппозиционной деятельности. При этом формальное участие в выборах не является окончательным свидетельством борьбы за доминирующий политический ресурс. Очевидно, что кандидаты в президенты РФ В. Брынцалов и М. Шакум в 1995 г. скорее решали свои локальные задачи, чем реально претендовали на высокий политический пост. Широко известен и ряд технологических приемов ведения избирательных кампаний, связанных с выдвижением на выборах фиктивных кандидатов или партий. Этот прием может применяться как с целью поддержки реального кандидата (демонстративный отказ «дублера» во время избирательной кампании от участия в выборах в пользу реального кандидата, страховка на случай отмены выборов вследствие безальтернативности), так и для подрыва позиций соперника (дробление электората, рупор для «слива компромата» и т.д.). Исследуя либеральные демократии, в политической жизни которых определяющую роль играют политические партии, М. Лааксо, М. Шугарт и Р. Таагепера вывели показатель «эффективного числа партий», в общих чертах отражающий количество активно действующих политических субъектов системы — реальных претендентов на обладание доминирующим политическим ресурсом. При этом наибольшую корреляцию дает коэффициент «эффективного числа парламентских партий», который, по наблюдениям исследовате-

лей, в среднем на 0,5 пункта меньше эффективного числа электоральных партий¹.

Одним из основных способов деятельности оппозиционных организаций в промежутках между точками дискретного политического процесса является деятельность групп интересов, оказывающих постоянное влияние на принятие решений властью. Исходя из выдвинутого нами понимания оппозиции, сами по себе группы интересов вряд ли можно отнести к оппозиционным субъектам, несмотря на то что они подчас оказывают огромное влияние на политическую деятельность того или иного оппозиционного субъекта (например, комитеты политического действия играют огромную, если не определяющую роль в финансировании выборов в США, а следовательно, и в распределении постов во властных структурах). Ключевым в этом смысле является ответ на вопрос, борются ли эти силы за политическую власть, готовы ли они принять на себя ответственность за все последствия обретения этой власти либо только за решение своих частных проблем, которое связывается с приходом к власти той или иной политической силы. Очевидно, что профсоюз горняков или ассоциация медицинских работников, сколь бы сильными неправительственными организациями они ни были, не преследуют цели провести члена своей организации в президенты и стать доминирующей политической силой, расставив своих представителей на ключевые государственные должности. Политические силы, сформированные на основе таких групп интересов, представляют собой скорее исключение из правила (партия зеленых), не претендуют на роль доминирующего субъекта и являются в лучшем случае важным коалиционным партнером оппозиции.

Понимание политической оппозиции как организованной группы субъектов, ведущей борьбу за обладание доминирующей

¹ См.: *Laakso M., Taagepera R. Effective Number of Parties: A Measure with Application to West Europ // Comparative Political Studies. Vol. 12. 1979. № 3. Taagepera R., Shugart M. Seats and Votes: The Effects and Determinants of Electoral Systems // Yale University Press. New Heaven, 1989.*

щим политическим ресурсом системы, позволяет достаточно уверенно и результативно использовать данную концепцию при анализе политического взаимодействия в рамках конкретных систем.

Концентрация теоретического внимания на значимых субъектах политики позволяет выработать инструментарий для анализа оппозиции, схему, с помощью которой можно отслеживать процесс формирования различных моделей и технологий взаимодействия власти и оппозиции, выявлять основные факторы, влияющие на образование той или иной модели. Практическим результатом подобного анализа может стать определение потенциально уязвимых мест существующего режима, формирование наиболее эффективной модели отношений между крупнейшими политическими силами, сохраняющей стабильность и эффективность системы в целом.